В.Я. Малкина

«НЕКОМУ РУКУ ПОДАТЬ...»
(О субъектной структуре стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно»)

В статье анализируется субъектная структура стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно»: определяются тип лирического субъекта, граница между лирическим субъектом и субъектом речи, грамматические конструкции, с помощью которых организуется субъектная структура стихотворения.

Ключевые слова: лирический субъект, лирический сюжет, субъектная структура лирики, Лермонтов, лирика.

Категория субъекта для лирики является наиважнейшей, поскольку специфические субъектные отношения – отсутствие четких границ между субъектами – являются определяющими для нее как рода литературы: С.Н. Бройтман говорит о том, что «специфика конститутивных для лирики эпохи синкретизма отношений между автором и героем состоит в том, что в ней между субъектами сохраняются субъект-субъектные связи. Плата за них – отсутствие между субъектами четкой внешней границы: это генетический код лирики, в разных формах воспроизводящийся на протяжении всей будущей истории»[1]. Именно такие отношения привели к тому, что в лирике очень часто лирический субъект отождествляется с биографическим автором, причем не только при «наивном чтении», но и в некоторых научных работах.

Поэтому остановимся на этом понятии подробнее.

Согласно определению С.Н. Бройтмана, «лирический субъект – носитель речи, а также основной (объемлющей) точки зрения на мир и оценки в лирическом художественном произведении». В каждой из трех больших стадий развития поэтики был свой тип лирического субъекта (при сохранении, разумеется, инвариантных черт, о

© Малкина В.Я., 2011

которых говорилось выше): синкретический (в эпоху синкретизма), жанровый (в эпоху эйдетической поэтики) и лично-творческий (в поэтике художественной модальности).

В поэтике художественной модальности категории, связанные с субъектной сферой, вообще становятся ключевыми. Поскольку автор, обретая особый статус, становится реальностью внеэстетического порядка (автором-творцом или первичным автором, по определению М.М. Бахтина), то в художественном тексте отделяются и начинают играть большую роль субъекты авторского плана (в эпическом произведении это рассказчик, повествователь и образ автора) и лирические субъекты в лирике.

Дифференцированное описание типов лирического субъекта было впервые проделано Б.О. Корманом[2], затем дополнено С.Н. Бройтманом. В статье «Лирический субъект», написанной для учебника «Введение в литературоведение» 1999 г., он выделяет следующие типы лирического субъекта:

автор-повествователь (высказывание принадлежит третьему лицу, субъект речи грамматически не выражен);

собственно автор («я» грамматически выражено, но в центре внимания не сам переживающий, а некая картина и ее переживание);

лирическое «я» (носитель речи становится субъектом-в-себе, самостоятельным образом);

лирический герой (носитель речи становится субъектом-для-себя, то есть своей собственной темой);

герой ролевой лирики (субъект открыто выступает в качестве «другого»)[3].

Мы будем опираться именно на эту, подробную, классификацию, хотя в более поздних работах С.Н. Бройтмана она была урезана[4].

Учитывая все вышесказанное, попробуем проанализировать стихотворение М.Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно» (1840). Стихотворение это, как широко известно, не было обделено вниманием критики и литературоведения: начиная с В.Г. Белинского и заканчивая многочисленными упоминаниями в школьных учебниках по литературе.

Анализировали его как этап эволюции лирического героя поэзии Лермонтова[5], писали о том, что оно характерно для мироощущения Лермонтова, что это «памятник романтического мышления»[6], и почти единогласно сходились на том, что это одно из самых «личных» стихотворений поэта: «Так и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, как поток слез, давно уже накипевших, как струя горячей крови из раны, с которой вдруг сорвана перевязка...»[7].

Но почти никто не пытался проанализировать способы, с помощью которых достигался данный эффект, а весь анализ субъектной структуры данного стихотворения (насколько нам известно) ограничился замечанием Д.Е. Максимова, что «не случайно, например, возникновение безличной формы (“И скучно и грустно”), которая сменяет прежние монологи, обращенные от имени авторского “я”»[8].

Действительно, из 9 глаголов этого стихотворения 4 стоят в форме инфинитива (*подать, желать, любить* – 2 раза), один – в составе идиоматического выражения (*не стоит труда*), то есть по определению безличной конструкции, два – в форме ед. ч. 2-го лица (*заглянешь, посмотришь*) и 2 – в 3-м лице (*проходят, исчезнет*)[9].

Что касается местоимений, то их всего 6: *некому, кого, (в) себя, все, их, такая.*

Как видим, личных среди них нет вообще, есть только возвратное (*себя*). Согласно грамматическим нормам русского языка, возвратное местоимение возвращает направленность действия на его субъект. Однако возникает вопрос: кто в данном случае этот субъект действия, если рядом с местоимением стоит глагол во 2-м лице (*в себя ли заглянешь*)? И как он соотносится с субъектом речи? И вообще, сколько тут субъектов?

Если обратиться к упомянутой выше классификации, то тип субъекта этого стихотворения (отсутствие грамматически выраженного «я») можно обозначить как автора-повествователя, или (по более поздней терминологии С.Н. Бройтмана) внеличные (внесубъектные) формы авторского высказывания. С.Н. Бройтман замечает, что «если представить себе субъектную структуру лирики как некую целостность, двумя полюсами которой являются авторский и “геройный” планы, то ближе к авторскому будут располагаться автор-повествователь и “собственно автор”»[10]. И далее: «Именно в стихотворениях, в которых лицо говорящего прямо не выражено, в которых он является лишь *голосом* (“Анчар” А.С. Пушкина, “Предопределение” Ф.И. Тютчева, “Девушка пела в церковном хоре...” А.А. Блока), создается наиболее полно иллюзия отсутствия раздвоения на автора и говорящего, а сам автор растворяется в своем создании, как Бог в творении»[11].

Собственно, именно это мы наблюдаем и в стихотворении М.Ю. Лермонтова. При «наивном» чтении стихотворение кажется непосредственным внутренним монологом «я», несмотря на то, что никакого «я» (с грамматической точки зрения) тут просто нет.

Но в приведенных С.Н. Бройтманом примерах субъектом речи является 3-е лицо.

Что же касается стихотворения М.Ю. Лермонтова, то здесь как минимум появляется еще грамматическое второе лицо. Некоторый

намек на него есть уже в первых же двух строках: «...и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды...». Появляется и некоторая двойственность: ждет ли лирический субъект руку помощи или сожалеет о том, что он сам не может никому ее протянуть? В любом случае, это намек с отрицанием (*некому*). Откуда же тогда появляется второе лицо и к кому идет обращение? Видимо, самый простой ответ и будет самым очевидным: с собой. Лирический субъект обращается **к себе как к другому**. Разумеется, тут не приходится говорить о субъектном синкретизме, тут даже нельзя говорить о двойственности субъектов. Субъект в стихотворении один, но при этом не «я», а «ты». Внеличные формы высказывания, отсутствие «я» и вызванное этим движение рефлексии лирического субъекта от единичной ситуации к глобальному жизненному выводу – как раз и приводят к тому ощущению безнадежности и полного отчаяния, которое возникает при чтении этого стихотворения.

Примечания

[1] *Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н.* Теория литературы: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 98.

[2] См., например: *Корман Б.О.* Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. С. 42–115.

[3] См.: *Бройтман С.Н.* Лирический субъект // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины. М., 1999. С. 141–153.

[4] См., например: *Бройтман С.Н.* Лирический субъект // Введение в литературоведение: Учеб. пособие. М., 2004. С. 310–322.

[5] См., например: *Усок И.* Герой лирики Лермонтова (1836–1841 гг.) // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М., 1964. С. 228–230; *Гачев Г.* Развитие образного сознания в литературе // Теория литературы. М., 1962. Т. 1. С. 269 и др.

[6] *Масловский В.И.* «И скучно и грустно» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 179–180.

[7] *Белинский В.Г.* Стихотворения М. Лермонтова // Белинский В.Г. М.Ю. Лермонтов: статьи и рецензии. Л., 1941. С. 183.

[8] *Максимов Д.Е.* О лирике Лермонтова // Литературная учеба. 1939. № 4. С. 14.

[9] Здесь и далее стихотворение М.Ю. Лермонтова приводится по изданию: *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828–1841. М.; Л., 1958. С. 468.

[10] *Бройтман С.Н.* Лирический субъект / Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины. С. 144.

[11] Там же. С. 145.